

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПОМОРСКОЙ СЕМЬИ – ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Понятия «культурное наследие» и «традиция» в последнее время вновь привлекают внимание наук о культуре. Очевидно, это связано с многообразием смыслов, которые в них вкладываются. Кроме того, эти слова, слишком часто употребляемые в публицистической и обыденной речи, во многом лишаются конкретного содержания, становятся почти бессмысленными клише. Возникает необходимость еще раз переосмыслить и определить их значение. В нашем случае обратить на это внимание необходимо, поскольку настоящее издание знакомит с конкретными фактами культуры, которые самими их создателями и носителями рассматриваются в качестве «наследия» – семейного и локального. Одновременно данные артефакты могут быть сопоставлены с подобными явлениями культуры и прокомментированы в более широком контексте – с учетом времени, социально-исторических и прочих обстоятельств их существования. И тогда окажется, что даже неполная выборка рукописных и прочих архивных материалов, принадлежащих одной семье, может дать достаточно глубокое представление о том, как осмысливает себя культура, из чего формируется «наследие» и как развивается «традиция» – в их корректном научном понимании.

Такое понимание, в частности, сформулировано социологом культуры А.Б. Гофманом в одной из новейших работ, посвященной традициям и инновациям в современной России: «Традиции – социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени. Составными частями традиции являются *объекты* социокультурного наследия (то, что передается), *процессы* наследования и его *способы*. В качестве традиций выступают самые разнообразные явления: определенные культурные образцы, социальные институты, нормы, ценности, знания, обычаи, ритуалы, стили и т.д.» (курсив Гофмана. – И.Р.) [Гофман, 2008, с.18]. Процессы и способы наследования зависят от форм существования наследия: устной и письменной, вещественной и поведенческой, которая передается через подражание или обучение. «Наследие» относится к прошлому, но существует в настоящем и зависит от того, насколько память конкретных людей, семей, местных сообществ способна стать «историей» для представителей последующих поколений. Она воплощается в рукописях и публикациях, предметах-реликвиях и архивных документах, которые не только хранятся, но и используются.

Некоторые исследователи культуры предлагают различать «большую» и «малые» традиции. Мы не уверены в корректности самих обозначений, но принцип разграничения представляется логичным. С одной стороны, существует традиция, которая «сохраняется сама по себе», неосознанно, в локальных, прежде всего, негородских общинах. Добавим, что к ней следовало бы отнести весь спектр явлений, которые считаются «само собой разумеющимися», независимо от того, к какому типу общности, модернизированной или сельской, они относятся. С другой стороны, есть традиция, которая сознательно культивируется «мыслящим меньшинством»: специалистами, историками, учителями, духовенством и т.д. Она передается большинству через культурно-

образовательные и религиозные учреждения, СМИ и т.п. Такая дифференциация традиций предложена в работе Р. Редфилда [Redfield, 1973, p. 40-59], на которую и ссылается А.Б. Гофман. Обозначая современный процесс как «модернизацию традиционности», исследователь отмечает, что в современной России ситуация с традициями и инновациями чрезвычайно неопределенна и многозначна, поскольку наблюдается соперничество за утверждение определенных ценностей [Гофман, 2008, с.50]. В основе традиции всегда «лежит представление о норме и ее ценности. Совокупность функционирующих традиций есть одновременно система ценностных ориентаций создавшего и поддерживающего их коллектива» [Чистов, 1985, с.137]. Трудно не согласиться с тем, что «важное значение для понимания теперешних российских реалий имеет анализ «больших» и «малых» традиций, их взаимодействия, взаимопроникновения и взаимовлияния. Именно в культивировании, выращивании, возрождении «малых» традиций заключены основные возможности спонтанного развития элементов подлинной демократии, гражданского общества и самоуправления» [Гофман, 2008, с.51-52]. Эта идея поддерживается сегодня многими учеными: «Наследие – фактор развития регионов. Оно способно к саморазвитию и порождению социальных институтов» [Замятин, 2008, с.125].

Публикуемые материалы по содержанию и времени создания относятся преимущественно к советскому периоду – эпохе, когда, по мнению социолога культуры, «одни элементы социокультурного наследия были целенаправленно и нецеленаправленно разрушены, а другие – также целенаправленно и нецеленаправленно сохранены. Это относится к самым разным областям жизни: от того, что принято называть памятниками природы, истории и культуры, до базовых образцов экономической и политической культуры населения. Примерно такой же характер имели и инновации» [Гофман, 2008, с.34]. Думается, это утверждение верно по отношению к любому этапу общественного развития, который отличается относительной культурной целостностью. Переход к постсоветской эпохе сопровождается такими же процессами разрушения, переоценки, нового отбора и сохранения элементов на этот раз советской культуры. Об актуальности этих процессов свидетельствует, в частности, «бум», связанный с изучением советской повседневности в исторической и антропологической науке. При этом из сферы исследования обычно выпадают многие повседневные культурные практики советских людей. Чаще всего «семейная культура» сводится либо к домашнему хозяйственному быту, либо к праздникам, либо к определенному набору досуговых занятий (спорт, посещение учреждений культуры, потребление продукции СМИ и пр.). Несмотря на то, что все чаще появляются публикации семейных воспоминаний и фотографий, сама деятельность по сохранению памяти семейных и локальных общностей, кажется, не рассматривается в качестве соответствующей практики. Используется и анализируется только ее результат, чаще – в виде текстов и визуальной информации. Между тем «малые традиции» постоянно выдвигают из своей среды тех, кто осознает собственную культуру как «наследие», соотносит ее с «большой» культурой и делает частью общенационального достояния. Иногда такая деятельность обозначается термином «спонтанная культурная практика», но, по нашему мнению, эту категорию следовало бы уточнить и переопределить. С одной стороны, «спонтанность» означает неорганизованность, стихийность, то есть отсутствие прямой связи культурной

работы этого рода с социальными институтами. С другой стороны, любая социальная организация стабильна постольку, поскольку фиксирует память собственной общности в виде «твердых» мемориальных свидетельств (см. исследования по чрезвычайно популярной сейчас теории культурной памяти М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассмана и др.). В этом смысле мемориальная функция является условием существования всех социальных институтов.

* * *

Носителями культуры, коллективной памяти и знания являются, как известно, общности разного уровня, а также индивиды. Личность как носителя культуры в этнологии стало принято называть «этнофором», с «легкой руки» главы советской этнографической школы Ю.В. Бромлея. В соответствии с его же концепцией семью можно рассматривать как «микроэтническую единицу», которая сохраняет и передает культурные ценности своего народа (или народов). В эпоху культурной глобализации семья составляет один из главных «очагов сопротивления» унифицирующим тенденциям. В частности, семейная культура способна поддерживать этническую идентичность в условиях иноэтнического окружения: сохранять родной язык, обиходные обычаи, формы празднования и т.п. в домашнем кругу. То же касается сохранения отдельных элементов сельского быта и крестьянских устоев в ситуации тотальной урбанизации, а также преемственности элитарных форм – вопреки повальной и агрессивной «массовизации» культуры. С социологической точки зрения, родство и семья относятся к наиболее устойчивым и консервативным институтам, они стабилизируют образ жизни, нормы поведения, социальное самочувствие и т.д. Вместе с тем именно семья, в силу ее немногочисленности и особых форм солидарности, обладает необходимой гибкостью для того, чтобы приспосабливаться к социальным и культурным изменениям. Она не только сохраняет и передает новым поколениям культурные образцы, но трансформирует их и создает новые – хотя бы потому, что каждая новая семья соединяет традиции двух родительских семей. Можно сказать, что изучение культурного опыта отдельно взятых семей способно в значительно большей степени прояснить, как живет и меняется культура, чем, например, анализ статистических данных о семейном потреблении общественной культурной продукции.

В нашем случае (семья Жидких и ее представительства) мы имеем дело и с семьей, и с личностью – носителями той культуры, которая четко определяется как «поморская». Одновременно это культура родственной группы, передаваемая по цепи поколений и поддерживаемая «горизонтально». Кроме того, это культура поселенческой общности – села Кандалакша, которое на протяжении обозримого периода жизни конкретной семьи становилось городом со всеми сопутствующими социальными и культурными изменениями.

Изучать данный феномен уместно на основе антропологического подхода. Анализируя книгу финского исследователя Ю. Пенттикяйнена, посвященную личности одной исполнительницы, А.К. Байбуурин отметил, что такой ракурс предполагает три основных измерения: «культурный репертуар, мировоззрение, история жизни. При этом мировоззрение и культурный репертуар относятся друг к другу как план содержания к плану выражения, а история жизни является временной осью их формирования и изменений» [Байбуурин, 1982, с.134]. В рассматриваемом нами случае, когда носителем традиции выступает семейно-

родственная группа, время измеряется несколькими шкалами. Это генеалогическое время родственной общности, жизненные циклы «малых» семей и индивидуальные биографии, а также история места их жительства – села Кандалакши (в контексте истории страны).

Настоящая публикация представляет часть «культурного репертуара», или – шире – культурного наследия отдельно взятой семейно-родственной общности. Все артефакты могут быть отнесены к категории «семейной мемориальной культуры». Тексты и документальные материалы свидетельствуют о том, каким образом фиксируется и сохраняется прошлое в социальных рамках семейной памяти. Как отмечал М. Хальбвакс, с одной стороны, «семейные воспоминания развиваются на разной почве в сознании различных членов домашней группы, <...>, каждый из них по-своему помнит общее семейное прошлое»; с другой стороны, «приходится признать, что впечатления и переживания индивидов, соединяемых отношениями родства, получают свою форму, а в немалой мере и свой смысл из тех понятий, которые мы сознаем и которыми проникаемся просто потому, что вступаем в некоторую домашнюю группу или уже принадлежим ей» [Хальбвакс, 2007, с.185, 186-187].

Индивидуальные и коллективные воспоминания становятся «историей» только тогда, когда они закрепляются в виде архивных и музейных собраний, записанных текстов, составленных генеалогических схем, систематизированных фотоматериалов и т.д. Несмотря на то, что основным мемуаристом выступает один представитель рода Жидких – Галина Федоровна Белошицкая, в создании истории семьи, формировании ее архива активно участвовали (и продолжают участвовать) ее сестры, племянник Дмитрий Сергеевич Лоскутов и другие родственники. В эту деятельность включается и ближайшее окружение. В первую очередь, постоянную помощь в разыскании и атрибуции исторических свидетельств оказывает жительница Кандалакши и друг Г.Ф. Белошицкой архивист Валентина Ивановна Конева.

Семейная культурная деятельность, как и любая другая, распределяется между членами сплоченной группы, которые выполняют различные культурные роли. В частности, для того чтобы стать «семейным историком», желательно иметь не только интерес, но и накопленный с возрастом жизненный опыт, определенное образование, литературные навыки, наконец, относительно свободное время. Существенным фактором является также способность отбирать и оценивать факты, обстоятельства, вещи, документы, которые выступают в качестве знаков прошлого («мест памяти»). Формирование домашних архивов, хранение семейных экспонатов, ведение различных записей и другие подобные виды деятельности осуществляются в семьях и стихийно, под влиянием социально-бытовых и индивидуально-психологических потребностей, и сознательно – если они осмысливаются как сохранение памяти для потомков. В разных семьях и на разных этапах семейной жизни такая деятельность может отсутствовать, быть слабо выраженной или, напротив, оказывается чрезвычайно важной. В этом случае она становится одной из основных повседневных практик или даже «делом жизни» кого-то из членов родственной группы.

Семейные воспоминания и автобиографии пишутся, прежде всего, «для своих»: детей, внуков, других родственников. Вместе с тем такого рода мемуары часто приобретают более широкий резонанс и становятся общественным

достоянием. Если род достаточно долго проживает в определенной местности, то его история – это часть региональной истории. Нет необходимости доказывать, что она очень важна не только для профессиональных историков, но для всех институтов и организаций, которые ответственны за исторический образ региона и его значимость в истории страны в целом. Семьи, которые заинтересованы в сохранении своей истории, нередко сотрудничают с местными музеями, библиотеками, архивами, образовательными учреждениями. Это полностью относится к Г.Ф. Белошицкой и другим членам рода Жидких. Благодаря культурной деятельности этой и таких же семей фактически пишется полноценная история Кандалакши, которая не сводится к сухому перечню официальных дат и событий.

* * *

Основное место среди публикуемых материалов, безусловно, занимает, «История семьи Жидких поморского села Кандалакша», написанная Г.Ф. Белошицкой на основе документов и воспоминаний. Это семейно-биографическое повествование, проиллюстрированное фотографиями, копиями документов и рисунками автора, заслуживает особого внимания; ему посвящена отдельная статья в нашем издании. «История» была написана в 2003-2006 гг., и Галина Федоровна на данном этапе рассматривает ее как цельный текст. При этом несколько детализирующих фрагментов были включены в рукопись относительно недавно, то есть повествование фактически является «открытым» и может быть расширено. То, что обозначено как «Послесловие», было написано в ответ на просьбу составителей отметить основные семейные события за время, прошедшее после написания «Истории семьи Жидких».

Кроме семейной истории, Г.Ф. Белошицкая по своим воспоминаниям записывает отдельные моменты жизни и быта Кандалакши, собирает исторические сведения о селе и односельчанах. В настоящее издание мы поместили описания уличных и домашних игр поморских детей середины XX в., а также истории о прозвищах жителей села. Это не только интересно читать. Думается, такой материал имеет ценность для этнографов, историков, лингвистов, педагогов. Большой интерес, особенно с точки зрения фольклористов, представляет поморская песенная культура. Семейный репертуар середины XX в., часть которого была записана Галиной Федоровной по памяти и публикуется нами, включает народные и авторские песни. Он показателен для своего времени, поскольку популярные песни советских авторов сочетаются с народными старинными песнями: балладными, лирическими.

Семейный архив Жидких фактически является и небольшим историко-краеведческим архивом. Он содержит рукописные материалы, рисунки, стихи домашнего сочинения, вырезки из местных газет, ксерокопии документов и выписки из дел государственных архивов Мурманской и Архангельской областей, историко-регионоведческих исследований, а также схемы (генеалогическую, топографические), карты (в частности, ценную карту-лоцию Кандалакшского залива), фотографии, относящиеся к истории рода и села Кандалакша.

Редким историко-демографическим источником является включенная в наше издание карта-схема Нижней Кандалакши, составленная сестрами Жидких. На ней не только изображен каждый дом, но указаны все семьи

жителей на определенный момент времени – 1940-1950-е гг. Именно в тот период «старинное поморское селение Кандалакша» постепенно превращалось в «деревню-пригород под названием Нижняя Кандалакша» [Бернштам, Лапин, 1974, с. 16].

Значительной частью семейного культурно-исторического наследия является фотоархив. Часть фотографий Г.Ф. Белошицкая отобрала для отдельного альбома. Это вид семейной книжности особого жанра. Подобные альбомы имеются во многих семьях, и они разнообразны по составу, содержанию, характеру и качеству оформления. Чаще встречаются альбомы семейных путешествий, тематические, посвященные отдельным периодам жизни членов семей и т.д. Альбом Г.Ф. Белошицкой представляет иллюстрированную и документированную историю рода на фоне истории села. В него помещены старинные и современные семейные фотографии. Копии некоторых из них Г.Ф. Белошицкая включила в текст «Истории». В альбом также помещены фотографии Кандалакши, отдельных атрибутов поморского быта. Кроме фотографий, в нем есть рисунки самой Галины Федоровны. Большинство из них иллюстрирует рыболовецкий быт поморов (например, изображения разных лодок, снастей и т.п.). Фактически альбом является вариантом семейной летописи, но, в отличие от историко-семейного повествования, главное место в нем занимают изобразительные материалы. Одновременно присутствуют и подробные комментирующие подписи, отдельные стихотворные тексты, которые могут служить дополнением «Истории семьи Жидких». Красивое оформление альбома – свидетельство того, что он выполняет функцию презентации, хотя создавался отнюдь не для широкой демонстрации, а для себя и близких. Альбомная традиция частной сферы, известная в России с первой трети XIX в., постоянно меняясь, существовала в разной социальной среде. Она исследована пока фрагментарно. Подобные образцы современной семейной письменной культуры еще предстоит изучить, как это сделано в отношении некоторых других разновидностей альбомов (девичьего, солдатского и пр.) [Борисов, 1997; Головин, Лурье, 1998; Калашникова, 1998, 2003 и др.]. Насколько позволили полиграфические возможности, мы попытались воспроизвести часть этого альбома таким образом, чтобы были доступны и содержание (тексты), и изобразительный ряд.

Наконец, особое место в нашем издании занимает словарь поморской и этнографической лексики, составленный по тексту «Истории семьи Жидких» с использованием известных словарей поморских говоров и в ряде случаев – с параллельными толкованиями автора. По мнению составителей, такой словарь может представлять языковедческий интерес. Он показывает современный уровень органичного и целевого использования данной лексики в локальной и индивидуальной письменной речи, конкретном тексте. Кроме того, словарь преследует образовательные цели. Многие реалии поморской жизни и сельского быта в целом, а значит и соответствующие обозначения, в настоящее время относятся к сфере истории, ими владеет узкий круг носителей культуры и специалистов.

Публикация материалов сопровождается примечаниями. Мы не претендовали на исчерпывающие комментарии. В задачи входило, по возможности, пояснить те или иные местные и исторические реалии, подобрать сопоставительные данные – по имеющимся исследованиям и публикациям.

Кроме того, были использованы сведения из интервью, которые любезно дали Г.Ф. Белошицкая и В.И. Конева О.В. Змеевой и И.А. Разумовой. В тексте «Истории семьи» комментируемые места отмечены звездочкой. Принципы составления примечаний к текстам разного типа при необходимости указываются в преамбуле в каждом случае; библиографический список включает литературу ко всему изданию.

* * *

Составители выражают глубокую признательность тем, без чьей помощи не состоялось бы данное издание. Работа над ним выполнялась в Центре гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН по проекту «Семейно-родственные общности как агенты культурных инноваций», который был поддержан Президиумом Российской академии наук в рамках Программы фундаментальных исследований «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (2009-2011 гг.). Мы благодарны руководителю ЦПТ, доктору геолого-минералогических наук Валентину Петровичу Петрову за всестороннюю организационную поддержку.

Наша признательность Валентине Ивановне Конева, которая не только осуществляла поиск и ревизию многих документов по истории рода Жидких и села Кандалакша, но и была одним из инициаторов настоящей публикации.

Чрезвычайно полезной при составлении примечаний к текстам песен была консультативная помощь специалиста в области народно-песенной культуры декана факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, кандидата искусствоведения Михаила Лазаревича Лурье.

Мы благодарны рецензентам – доктору исторических наук, проректору по науке Мурманского государственного гуманитарного университета Павлу Викторовичу Федорову и кандидату исторических наук, научному сотруднику Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН Ольге Вячеславовне Шабалиной, которые нашли время для внимательного прочтения, анализа и оценки данного издания.

В подготовке к печати иллюстративных материалов книги научно-техническую помощь оказал сотрудник ЦПТ КНЦ РАН Илья Владимирович Травин.

Основным же создателем книги являются представители рода Жидких и, в первую очередь, Галина Федоровна Белошицкая, благодаря которой наследие своей семьи стало общекультурным достоянием.

И.А. Разумова, О.В. Змеева